

ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ

Т.А. Шеркова

10.7256/2070-8955.2013.03.4

ОБРАЗ ОКА СОЛНЕЧНОГО БОГА В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ РЕЛИГИОЗНО- МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Образ солярного бога-творца — Небесного глаза архетипичен для многих древних и традиционных культурных традиций. Но лишь в древнем Египте он имел двойственную гендерную природу. Мускулистый образ бога-демиурга сочетался с феминным, который и носил имя Священного Ока, персонифицированного одной из богинь — дочерей солнечного Атума и Ра. Природа подобных представлений рассматривается в разных аспектах, — историко-культурном и психологическом. Каким психическим содержаниям соответствует архетип мотива конфликта и воссоединения божеств в контексте аналитической психологии К.Г. Юнга? Основная задача статьи — сопоставление мифологического мотива с психологическим его содержанием.

Ключевые слова: психология, символы, мифы, солнце, око, либидо, архетипы, самость, анима, образы.

В мифологической картине мира древнеегипетской культуры солнечное божество олицетворяло творческое начало, источник света и жизни всего сущего. Во многих древних и традиционных культурах этот архетипический образ именуется небесным глазом¹, но в Египте в роли Ока выступают дочери верховного бога богини Маат, Бастет, Тефнут, Сехмет, Уаджет и др. Впрочем, это относится к солярным богам Атуму, Ра и двуединому Атуму-Ра, почитавшимся во всем Египте, однако главный культовый центр возглавляемой богом-творцом Великой Девятки богов или Эннеады находился в Гелиополе, в Низовье Нила. Здесь сложился космогонический миф о творении мироздания воссуществовавшим из тьмы первобытного океана Нуна светоносным богом Атумом. Этот миф не дошел до нас в виде единого повествования; в одновременных источниках имеются разночтения, которые все же не искажают основную идею о структуре мироздания, олицетворенного божественной генеалогией. Фрагменты мифа запечатлены уже во второй поло-

вине III тыс. до н.э., в Текстах Пирамид. Однако многие архаизмы указывают на более раннее время — Раннее царство и даже додинастический период, т.е. от V до рубежа IV-III тыс. до н.э. В частности, это относится к способу зачатия первой близнецной гендерной пары богов, — воздуха Шу и его женского дополнения, богини небесной влаги Тефнут, — древнейшим богом-андрогином Атумом путем самооплодотворения. От их союза родились также разнополые близнецы, — небесная богиня Нут и бог земли Геб. Следующий и завершающий акт творения связан уже не с божественными персонификациями природных элементов, а феноменами культуры. Это четверица близнецов: Осирис и Исида, Сет и Нефтида.

Драматургия мифологической истории связана с убийством Осириса Сетом и последующими событиями, отраженными в мифе, о борьбе сына Осириса и Исиды Хора с Сетом, когда появился ужас, страх из-за Ока Хора. Иначе говоря, когда в мир пришло зло, смерть. Об этой дифференциации мира на борьбу противоположностей говорится в Текстах Пирамид, хотя сама идея противостояния сил добра и зла, конфликтов и примирения противоположностей через иррациональный

¹ Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1994. С. 153 след.

элемент, символ, не чужда и предшествующим периодам истории Египта, — Раннему царству, когда при двух первых династиях происходило объединение номов Верхнего и Нижнего Египта, и раньше, при существовании додинастических вожеств.

Самым мощным из них был Иераконполь в Верхнем Египте. Здесь почитался легендарный первопредок сокол-Хор. Его последователи присоединяли его имя к своим и, начиная с Раннего Царства, когда складывалась царская титулатура, имя Хора стояло на первом месте. И хотя, собственно, символ Ока Хора в виде глаза человека известен не раньше III династии, становление этого образа отражен в материальной культуре дописьменного додинастического периода. Достаточно сказать, что уже тогда сложилась традиция изготовления инкрустированных глаз, которые, как и до конца существования древнеегипетской культуры, вставляли в глазницы антропоморфных статуэток, которыми наделяли статуи умерших во время ритуала «отверзания уст и очей» в погребальном обряде. Как и много позднее, в додинастическое время глаза антропоморфных и зооморфных персонажей на изделиях пластики обводили зеленой краской, полученной от измельченного в порошок малахита, смешанного с вязким материалом («малахитовая зелень»). Символическое значение зеленого цвета отражало идею жизни, благополучия, плодородия, процветания, возрождения после смерти. И хотя нет оснований говорить о существовании культа Осириса в додинастический период и даже в Раннем царстве, идея о загробной жизни уже тогда была связана с ритуалами и магическими действиями, причастными к древнейшим представлениям о семантической однородности и взаимных переносах свойств глаза и солнца. Возрождение покойного после смерти уподоблялось восходу светила на восточном небесном горизонте после его опасного ночного путешествия в подземном мире, подобно тому, как солярное божество Ра сражалось с его злейшим врагом змеем Апопом. Это архетипическая мифологема о боге спасителе-герое. В этой роли выступает и другое солярное божество — Хор.

Что касается взаимоотношений между Хором и его антиподом, богом тьмы Сетом, то время от времени они не были столь напряженными, как это стало позднее, о чем говорится во многих письменных источниках, в том числе в «Тяжбе Хора и Сета»² из-за наследства Осириса — их борьбы за право на египетский трон. Сет не исчез из мифотворчества, хотя Эннеада по праву присудила египетский трон наследнику Осириса.

В противном случае был бы уничтожен базовый циклический принцип существования мифологического мышления, — восстановление баланса, гармонии, равновесия после разрешения конфликта между богами; в психологическом аспекте, — снятие психического напряжения между противоположностями и их примирение в единой целостности через третий элемент — образ Ока Хора. Миф периодически повторялся в ритуалах обновления космоса во время коронации нового фараона — земного воплощения бога Хора. Сет вновь и вновь ослеплял Хора, вырывая его глаз, что символизировало убийство соперника. Но с помощью богини Хатхор, накапавшей в глазницу Хора молока газели, Око Хора восстановилось, становилось полным, целым, здоровым. Хор передавал его Осирису, что гарантировало ему, также солярному божеству, но старому, ставшему царем мира мертвых, возрождение. Духовная близость между отцом и сыном отражена и в отношениях между Амутом и Шу. Нередко в мифах допускается отождествление отца и сына, о чем будет сказано ниже. В данном контексте важно подчеркнуть отличие Ока Хора от Ока Ра и Атума, запечатленное в мифах. Око Хора причастно к погребальному обряду, в то время как Око Атума и Ра предстает в мифах, отражающих ритуальную сторону жизни общества (аграрные циклы, смену сезонов, божественный священный брак, восстановление плодородия природы и плодovitости людей), актуализирующую максимальную ценность — циклическое обновление космического порядка.

Однако, наряду с различиями есть основания говорить и о сходстве Ока Хора и Ока Ра и Атума. Выше речь шла о том, что Око Хора воплощалось в форме глаза. В 17 изречении «Книги мертвых»³, в которой имеется основательная информация об Оке солярного божества, в основном Ра и Атума, есть пассаж об Оке Хора, в котором его символической формой является не глаз, а пара перьев на его голове. В этом символическом облики выступают Исида и Нефтида, имеющие также иконографию самок коршуна; они — защитницы Хора, эти два великих и могущественных Урея. А Урей увенчивает чело его отца Атума. Перья же на голове Хора синонимичны его глазам. В религиозных текстах речь идет то о глазе, то о глазах Хора.

Хотя Хор является сыном Осириса, в изречении 17 «Книги мертвых» он величается сыном Атума, что отнюдь не противоречит мифологеме единой семьи богов в Гелиопольской космогонии. Ведь Хор также относится к семейству Атума, пусть их и разделяет несколько поколений богов. А Осирис, также, будучи

² Тяжба Гора и Сета. — Сказки и повести Древнего Египта. Перевод и комментарии И.Г. Лившица. Ленинград, 1979. С. 108-128.

³ Здесь и далее «Книга мертвых» цит. по: The Book of the Dead. Transl. by R.O. Faulkner.L., 1993.

солярным божеством, называется душой бога Ра. Став царем мира мертвых, он не утрачивает своего солярного статуса. Око Ра причастно Осирису. Оно следует за ним в нижний мир, сжигая его врагов.

Вместе с тем в том же тексте указывается на некоторые различия между солярными богами. Вчерашнее солнце это Осирис, завтра — это Ра, он светит на восточном горизонте неба, когда его враги были побеждены его сыном Хором, ставшим правителем Египта, в день, когда гробница Осириса была определена его отцом Ра. Бог-творец является отцом всех богов, несмотря на то, что они относятся к разным актам творения мироздания, персонифицированным ими. Так, богини, от небесной Нут до Исиды являются возлюбленными дочерьми, выступающими в образе Священного Ока Ра. В царских семьях супругой фараона могла стать одна из его дочерей. Допускались incestуозные браки между братьями и сестрами в царских семьях. А в обществе, относящиеся к разным семьям девушка и юноша, вступающие в брак, назывались сестрой и братом. Все это примеры различных аспектов родовых и не родовых гендерных отношений, которые все же именовались в терминах генеалогических связей.

Но вот в каком смысле Око Атума и Ра величается возлюбленной дочерью? Если следовать космогоническому мифу, в котором Атум сам себя оплодотворил, то речь идет о древнем образе андрогина, но о его феминной стороне нет ни слова. Этот светозарный бог воссуществовал из извечного темного первобытного океана Нуна, подобно тому как в глубинной психологии свет сознания родился из тьмы бессознательного. И эта ассоциация не поверхностна, а в аспекте аналитической психологии — реальность. Атум един, единственный, все прочие боги Эннеады — части его. И при каких-то глобальных катаклизмах, гибели мироздания, останется только Атум и Нун как извечные божества. Вместе с тем в мифе отражена дифференциация по гендерному признаку, она связана с божествами, рожденными Атумом, для которого они все — сыновья и дочери. И в этом контексте incestуозные отношения между богами и представителями верховной власти, которые считались причастными к богам, имеют религиозные основания.

В этом контексте рассмотрим вопрос о коллективном сознании и бессознательном древних египтян, в котором родился двойственный образ солярного бога-творца, дополнением которого являлся феминный образ солнечного Ока. Приведем несколько мифов, повествующих об их взаимоотношениях. В одном из них люди взбунтовались против стареющего Ра, замыслили злые дела против сотворившего их бога, и произошло это где-то в Верхнем Египте. По совету богов он отпра-

вил Око — богиню Тефнут, принявшую обличие льва, истребить человечество. Но когда разъяренное Око Ра уничтожило великое множество людей, Ра решил прекратить расправу и вернуть дочь. Он проделал это хитростью, наполнив расставленные в огромном количестве кувшины с красным пивом на ее пути. Опьяневшая, она уже не узнавала людей и прекратила кровавую расправу. По велению Ра был назначен праздник в честь Хатхор, когда люди придавались бурным возлияниям пивом и вином: уходил сезон жары, поднимался Нил, оживлялась природа, начинались сельскохозяйственные работы, возобновлялся приплод скота, семьи увеличивались за счет рождения младенцев. Космический порядок восстановился, Око воссоединилось с богом-творцом, люди вернулись к своей обычной жизни. Через ритуал регламентировался циклический процесс обновления природы и жизни социума.

В этом мифе для выявления взаимоотношений феминной и мускулиной части солярного божества обратим внимание на один важный момент. Ра обращается к Хатхор со следующими словами: я болен пламенем болезни. Как случилась она со мной? Да, он стар, поэтому решил удалиться от людей, сев на корову, в которую превратилась небесная Нут, а бог Шу должен поддерживать ее. Землю охватила тьма, люди стали умолять Ра не покидать их, клялись расправиться с его врагами. Однако Ра назначил Геба отцом земли, прочитал заклинания против змей, которые жили в нем, повелел ему остерегаться их, знающих слова волхвования, и обещал сиять над землей. Поднявшись на небо, Ра силой слова сотворил там Поля Удовлетворения и Поля Тростников, где будет находиться все необходимое для посмертной жизни отошедших. В этом мифе, получившем название «Книга небесной коровы»⁴, дошедшем до нас от второй половины II тыс. до н.э., воспроизводится известная и от значительно более ранних источников идея о загробной жизни, в которой нет зла — враждебных сил, хворей, болезней, опасных даже для богов⁵.

И все же, как следует трактовать слова Ра о пламени болезни, охватившей его, обращенные к дочери, его Оку, защитившей бога, т.е. исполнившей главную ее функцию? Это она в облики льва своим огненным дыханием уничтожала людей, подобно тому, как это делает солнце

⁴ О космогоническом характере этого текста и ритуалах возрождения, связанных с культом Хатхор см.: Антес Р. Мифология в Древнем Египте // Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 55-60; Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999. С. 179-182.

⁵ Об уязвимости глаз у солярных богов см.: Меекс Д., Фавар-Меекс К. Повседневная жизнь египетских богов. М., 2008. С. 110-111.

в сезон засухи, подобно тому, как боль, отождествляемая с пламенем, охватывает тело. Как могло случиться, что солярное божество пострадало от самого себя, а по существу, от преданной ему дочери, которая есть часть его? Как представляется, эти внешние и внутренние явления синонимичны расчленению космического единства, целостности, наступлению хаоса.

В этой связи обратимся к другому мифу. В нем повествуется о том, что дочь Ра Исида вознамерилась вызнать тайное имя Ра. Искусная в магии, она положила на пути бога сделанную ею из смеси земли и слюны Ра змею, укусившую бога. Яд пылает огнем в теле Ра, он умоляет Исиду избавить его от страданий. Ее цель проста, — узнать истинное имя бога, которое даст богине власть над старым богом. Он перечисляет все свои имена, но Исида остается непреклонной до тех пор, пока Ра не уступает, испытывая невероятные муки. И тогда Исида, прочитав магические заклинания, избавляет его от жжения яда и получает власть над ним. Как воспользовалась Исида этим знанием, — неизвестно. В данном контексте важно, что и Исида, также выступающая в роли Ока Ра, как и Хатхор, связаны с символикой пламени, синонимичной болезни. В контексте аналитической психологии К.Г. Юнга, в этих мотивах проявляется негативная сторона Анимы, которая персонифицируется образами богинь.

Еще в одном мифе Оком Ра величается богиня Тефнут. По каким-то причинам между ними происходит ссора (мотивы ее, к сожалению, не указываются), Ра отсылает ее от себя, и обиженное Око удаляется далеко на юг, в Верхнюю Нубию. В гневе бродит Оно в облики грозной львицы, «пламенная владычица огня, подвергающая врагов дыханием уст своих, с пылающим сердцем, опаляющая горы пламенем своим»⁶. В данном контексте Око изливает свои переживания тем же способом, как если бы Оно выполняло свои функции защитницы по отношению к Ра, хотя мотив ее агрессии иной. Тоскующий отец, опасющийся врагов без защиты Ока, посылает за Ним богов Шу и Тота, которые, преобразившись в обезьян, образ, причастный к солярному культу (ср. изображения павианов, которые стоят на задних лапах, а передние протягивают к восходящему солнцу), отправились за богиней. Богу мудрости Тоту, посланнику бога-творца, снимающему конфликты между богами, удается умиротворить Пламенную, развеселить богиню. Она соглашается вернуться к Ра, который вышел ей навстречу. Радостное шествие с плясками и пением, возлиянием вином и пивом, сопровождает богиню, вступающую в священный брак с богом Шу. Оно

движется на север, останавливаясь в каждом городе, где ей подносятся дары, и праздник брачного воссоединения богов продолжается. Этот миф связан с Гелиопольской космогонией, в которой Тефнут и Шу составляют брачную пару. Мотив иерогамии снимает конфликт противоположностей, символизирующий восстановление космического равновесия и гармонии. Эту же идею отражает воссоединение Ра с Оком. Разлука бога с его феминной частью отражает дисгармонию, болезнь творца, угрожающую устоям мироздания.

В 17 главе «Книги мертвых» содержится значительный материал, связанный с образом Ока солярного божества в контексте разных мифов. Выше уже приводились указания на очи Хора в образе Исиды и Нефтиды, что служит «мостком», соединяющим Око Хора с Оком Атума и Ра. Приведем несколько пассажей, которые позволят «распутать сложный клубок» представлений о феминной части солярного божества.

В разных пассажах речь идет о различных мифах и богинях, тем не менее, этот образ величается Священным Оком, раскрывая разные его аспекты. Речь ведется от лица бога Тота — создателя «Книги мертвых». Он описывает фрагмент из истории о сражении Хора и Сета: я восстановил Священное Око после его повреждения в день, когда сражались противники. Это был день, когда Хор сражался с Сетом, когда он нанес удар по лицу Хора, а Хор оторвал тестикулы Сета. Этот мотив сопровождается другим. Тот поднял волос со Священного Ока, когда Оно было в ярости. А в следующем же предложении говорится уже об Оке Ра, когда оно поссорилось с Ра и бог отослал его от себя. И вновь повторяется мотив избавления Тотом Ока Ра от боли из-за мешающего ему волоса. Око Хора и Око Ра оказываются единым образом восстановленного солнечного Священного Ока. Лечению подвергалось Око, а не бог-творец, как это звучало в мифе. Акцент приходится на слияние Ра и Хора, а также бога Ра с Оком как его неотъемлемой части, на которую проецируется как положительная, так и отрицательная энергия. Образ солнечного бога нейтрален.

А какими способами происходило лечение Священного Ока? В мифе о борьбе Хора и Сета солнечному богу богиня Хатхор накапала в глазницы молока дикой газели; в «Книге мертвых» Тот своими пальцами поднял волос с разъяренного Ока. Ярость синонимична обжигающему пламени, что характерно для Ока Ра и Атума, но не для Ока Хора в мифе о борьбе его с Сетом. В мифах Око Ра в состоянии аффекта сжигает врагов бога. Для него синонимичны образы льва и пламени. Этот же мотив боли, пронзающей тело Ра от укуса змеи, подложенной на его пути Исидой, звучит и в вышеприведенном мифе. Об этих болезненных переживаниях он говорит и Хатхор, за-

⁶ Цит. по: Матье М.Э. Мифы Древнего Египта. Л., 1940. С. 43.

даваясь вопросом, откуда взялась болезнь, словно писец ссылается на историю с Исидой. Но в «Книге мертвых» Око Ра плачет от боли из-за упавшего на него волоса, который удалил Тот, брызнув на него водой, в мифе — об изгнании Ока богом Ра. Тот везде выполняет функции целителя солнечного Ока, но разными способами. Понятно, что боль Ока, вызванная упавшим на него волосом — метафора какого-то фактора, вызвавшего эмоцию плача. Оно переживает противоположное присущему ему состоянию агрессии. Это другая сторона образа Ока; исцеленное, оно умиротворяется, как в мифах, в которых Око, исполнив свою функцию защитницы бога-творца, возвращается к нему и воссоединяется с ним в качестве феминного дополнения, части этого мускулиного бога, будучи его дочерью.

Но в следующем пассаже Око Ра выступает в роли матери Ра, в образе Небесной коровы. И в этом образе Око Ра связано с небесной водной стихией. Небесная корова вчера родила из своих ягодичек бога-солнце. Это Священное Око каждое утро рождает солнечного Ра. Небесная корова — это Священное Око Ра. А в мифе на этой Небесной корове, в образе которой выступает богиня неба Нут, Ра поднимается на небо, заполненное водной стихией. Вспомним, что соляренный бог-демиург воссуществовал из темных вод первобытного океана Нуна в Гелиопольской космогонии, когда еще не существовало никаких других богов.

Образ Священного Ока причастен к водной и огненной стихиям, связанным с космическим верхом. Ра величается телянком своей матери — небесной коровы — богини Нут, но в то же время она является его Священным Оком, возлюбленной дочерью. Священным Оком величается и богиня Уаджет, имеющая обличье кобры. Она — Повелительница пожирающего пламени. Будучи его Оком в виде Урея она увенчивает чело бога Ра. Для нее существует малахитовый блеск, которым, как говорилось выше, окрашивали веки уже в додинастическое время. Корневая основа *уадж* присутствует в словах «зеленый», «свежесть», «успех», «хорошая судьба», «зеленый камень», «обновление» и пр.⁷ И в этом контексте ритуальное окрашивание глаз малахитовой зеленью, причастное к богине Уаджет в образе Священного Ока, наделялось смыслом защиты от палящих лучей солнца, магической защиты от болезней, слеза, слепоты, семантически тождественной смерти, а также обеспечивало обновление жизненных сил, благополучие, а в погребальном обряде — посмертное возрождение⁸.

В осирическом цикле мифов и причастных к нему ритуалах погребального обряда восстановленный, — полный, целый, здоровый глаз Уджат — жертвоприношение Хора Осирису для загробного его воскресения и умершего фараона. Этот символ устанавливает тождество между Хором и Осирисом, манифестирует о духовной связи отца и сына, их единства. Тот факт, что Око Хора изготавливалось из фаянса выводит на важный аспект в представлениях об Оке Хора. В том же 17 заклинании «Книги мертвых» говорится о том, что Осирису подается пища фаянсом, находящаяся в святилище Ченет, которое является гробницей Осириса. А фаянс — это Око Хора. Как всеобщий символ жертвоприношений Око Хора имело множество синонимов, — различных предметов, которые использовали во время мумификации, о чем говорится в Текстах пирамид, в частности, кусочки натрия, ладан, а также жертвоприношения едой и питьем. Часто указывается на зеленый цвет жертв, приносимых в гробницу, в частности, плодов, которые также называются Оком Хора.

Истоки феминного образа Ока соляренного божества восходят к додинастическому времени. Так, женская статуэтка, датированная периодом Нагада I, вобрала элементы разных животных: руки ее, подобные рогам коровы, распростерты, как крылья птицы, а сжатые в кулачки кисти рук подобны змеиной головке⁹. На расписной керамике периода Нагада II представлены сцены с танцующими фигурками с подобной иконографией¹⁰. На некоторых сосудах представлены изображения сцены священного брака богини-коровы под сенью ее святилища, установленного на лодке¹¹. Итифаллические фигурки, стоящие рядом с ней, воплощают мифического предка. Танцующие в хороводе женские фигурки известны и в других древневосточных культурах, где они воспроизводили ритуальные танцы, посвященные богу-быку, олицетворявшему солнце¹². На рельефном изображении, нанесенном на палетке, относящейся к периоду Нагада II, представлена голова небесной коровы, о чем свидетельствуют «звезды», увенчивающие чело, рога и уши¹³. Эта выборка источников свидетельствует о солярно-астральных представлениях, существовавших в додинастическом Египте, связанных с образом богини в синкретическом женском образе, соединившем черты коровы, змеи и птицы, которыми в письменный период обладало Священное Око.

⁹ Там же. С. 266-267. Рис. 55.

¹⁰ Там же. Табл. VI, 1-4.

¹¹ Там же. С. 250-254. Табл. VI, 9.

¹² Там же. С. 267-268.

¹³ Там же. С. 267; рис. на с. 312.

⁷ Faulkner R.O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 2002. P. 55-56.

⁸ Шеркова Т.А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к Раннему царству. М., 2004. С. 293-294.

В эпоху становления государства важнейшую роль в обществе имел царь, культ которого почитался как культ бога-сокола Хора. Весь комплекс материальных источников свидетельствует о сложении образа Ока Хора. Начиная со II династии уже почитался бог Ра, культ которого расцвел при царях-строителях пирамид, при V династии. Мифы о Священном Оке, относящиеся к разным эпохам, рождались в контексте возникновения представлений о картине мира, вобрав в себя архаические идеи и образы, в которых значительную роль играл образ богини плодородия, трансформировавшийся в образ дочери соляного божества.

Как правило, в исследованиях по исторической антропологии, культурологии и других гуманитарных дисциплинах, связанных с изучением культурно-исторических феноменов, религиозно-мифологических представлений в древних и традиционных обществах, содержание мифов анализируется в контексте важнейших природных и культурных явлений. Несмотря на правомерность и плодотворность подобного подхода, за пределами исследований остается иная сторона, — психика человека как творца культуры, то, что К.Г. Юнг именовал коллективным бессознательным, творцом мифов со всеми их нагромождениями, нестыковками и противоречиями, в которых развивалось нечто иррациональное — символ, разрешавший конфликты между парой противоположностей. По утверждению К.Г. Юнга, миф имеет «чисто психологическую природу и пользуется данными метеорологических или астрономических явлений лишь как материалом для своего выражения»¹⁴.

Образы Ока солнечного божества: Ока Хора, Ра и Атума символизируют идею спасения и защиты. Эти символы рождены противоположными психическими состояниями — колебаниями аффекта, либидо — термина, в смысл которого К.Г. Юнг вкладывал содержания психической, жизненной энергии. В блестящем труде «Символы трансформации»¹⁵, посвященном психологическому аспекту изучения сравнительной мифологии, он приводит определение либидо, указывая на него «как энергию и ценность, позволяющую связать себя с любой областью деятельности, будь то власть, голод, ненависть, сексуальность или религия, без того, чтобы представляться специфическим влечением»¹⁶; «это некая нейтральная энергия, ответственная за образование таких символов, как свет, огонь, солнце и тому подобное. Утрата функции реальности у шизофреников не

приводит к повышению сексуальности; она порождает мир фантазии с заметными чертами архаики»¹⁷. То, что у них в регрессивном сознании проявляется как фантазии, замещающие реальность, — неоднократно подчеркивал К.Г. Юнг, — часто соответствует мифологическому мышлению, рождающему образы и символы. Собственно, мифические образы и мотивы, рожденные интеграцией сознания с бессознательными слоями психики, не указывают на психические заболевания носителей древних культур.

Что касается проблемы симвообразования, то К.Г. Юнг полагал, что она «неразрешима без ссылок на инстинктивные процессы, поскольку из них символ черпает свою мотивационную мощь». Смысл символа состоит в том, что он придает форму сопротивляющемуся в борьбе с ним инстинкту, самым важным, но не единственным из которых является сексуальный. Вместе с тем символотворчество объяснимо и на духовном плане: «дух» является автономной реальностью, управляющей «специфической энергией, достаточной, чтобы изменить направление инстинктивного потока и придать ему духовную форму»¹⁸. Даже для первобытных культур психические системы «противостоят чистой инстинктивности, так или иначе создают заслоны влечениям», и обнаруживается, «что творческая фантазия непрерывно вовлечена в порождение аналогий инстинктивным процессам с тем, чтобы высвободить либидо из поля напряжения инстинктивности, направляя его (либидо) в область аналогичных идей»¹⁹. «Природа этих аналогий является поэтому серьезной проблемой, потому что...они должны быть идеями, которые притягивают либидо. Их специфический характер, как я убежден, подчеркивается в том факте, что они представляют собой архетипы, то есть универсальные и унаследованные паттерны, которые взятые вместе, составляют структуру бессознательного»²⁰.

Картина мира значительно расширилась за счет процесса создания первобытным человеком аналогий, в которых отразилась идея энергетической ценности, т.е. тотальной эффективности комплексов. Их чувственно-тонированные содержания, — писал К.Г. Юнг, — дали

¹⁷ Там же. С. 235.

¹⁸ Там же. С. 378.

¹⁹ У народов, стоящих на первобытной стадии развития общества, — писал К.Г. Юнг, не было понятия либидо, но были представления о духовной силе, «поэтому, когда мы в нашей психологии ставим акцент на энергетическом подходе, то это полностью согласуется с душевными фактами, издревле запечатленными в человеческом духе». — Юнг К.Г. Об энергетике души. М., 2008. С. 126.

²⁰ Юнг К.Г. Символы трансформации. М., 2009. С. 377.

¹⁴ Юнг К.Г. Психологические типы. Минск, 2003. С. 207.

¹⁵ Здесь и далее сноски на эту книгу приводятся по изд.: Юнг К.Г. Символы трансформации. М., 2009.

¹⁶ Там же. С. 231.

начало синонимам, втянутым «в магический круг психического», что имело огромное значение для развития человеческого разума²¹. В пространстве семантических штудий этот вывод находит подтверждение в качественно смежных по смыслу образах и символах, охватывающих круг определенных представлений, что и было прослежено при рассмотрении синонимичных, но различных в плане выражения образов Священного Ока.

Психологически солнечное божество детерминирует представления, отражающие эмоциональное напряжение, которое К.Г. Юнг формулировал в терминах энергии. «Характеристики света и огня передают интенсивность чувственного тонуса и являются поэтому выражением той психической энергии, которая проявляет себя как либидо. Если почитают бога, солнце или огонь, то поклоняются интенсивности и силе (энергии), в других словах, явлению психической энергии как таковой, либидо»²². Таким образом психическая энергия является творцом Бого-образа, а человек поклоняется психической силе, «действующей внутри него самого, как чему-то божественному»²³. Иначе говоря, либидо интровертировало, проецировало на такой мощный объект внешнего мира, как солнце, обладающее свойствами света и тепла, энергию архетипа бессознательного, «которая не оказывается в распоряжении сознания»²⁴. Миф же является звеном между бессознательным и сознанием. Логика сознания создает повествования посредством выстраивания причинно-следственных связей между персонифицированными божественными символическими образами. В мифотворчестве отражаются мотивы, актуальные для культурного контекста. Они же, эти мотивы, соответствуют психическим содержаниям, сокрытым в бессознательном, психической реальности.

В религии регрессивное оживление образов-имаго родителей, — отмечал К.Г. Юнг, — играет важнейшую роль, рождая образ солнца как отца мира, бога, отождествляя его с огнем, пламенем и змеей и делая их мифологическими синонимами. Все эти образы и атрибуты солнечного божества отражают представления о фаллической творящей силе как источнике жизни и либидо. Либидо — солярное божество, бог-творец, оплодотворяющий бык, яростный в своей страсти и аффектах. Но в египетской мифологии солярный бог-творец, именующийся в других традициях Небесным Оком, «передал» имя Священного Ока и символические образы льва, огня всепожирающего пламени, змеи фе-

минному божеству, дочери или матери — небесной короле Нут. У него нет супруги, он один создал мир в актах творения, персонифицированных чередой близнечных гендерных пар богов, его детей. Иначе говоря, этот баланс создан на основании энергетической концепции воссоединения противоположностей, сочетающихся в целостность. Разумеется, древним египтянам не было ведомо об энергетической концепции науки XIX-XX столетий, как не были знакомы они с понятием либидо. Тем не менее, мифологические представления основывались на принципах, необходимых для осознания идеальной картины внешнего мира, такой как Гелиопольская равновесная космогония. Люди в их земном мире воспринимали себя созданиями солнечного боготворца. Как отмечал К.Г. Юнг, в мифах «психическая жизненная сила, либидо, символизируется в образе солнца или персонифицируется в фигурах героев с солнечными атрибутами. В то же самое время она выражает себя и через фаллические символы»²⁵.

Идея небесного ока как символа, творчески максимально заряженного солярного божества в разных культурах производила мощное воздействие на разум²⁶. Но в египетской мифологии специальный интерес представляет собой двоичность солярного бога-творца, включающего и феминный образ Священного Ока, которое выступает то в роли дочери, то «матери своего тельца». Об их защитных функциях свидетельствуют письменные и иконографические источники. Однако эта функция вообще присуща богиням, будь она супруга или дочь бога. Хотя следует отметить, что триады городских или номовых богов состоят из бога-отца, его жены и сына. Лишь в отношении солярного боготворца Атума и Ра эти богини являются его дочерьми в роли Священного Ока. Только у солярного бога Хора есть мать — Исида, она же, будучи дочерью Атума, выполняла функции Священного Ока, как и другие богини. Миф не обременяет себя строгой логикой. В данном контексте, как говорилось выше, основу представлений отражает гендерный принцип, соблюденный в Гелиопольской космогонии, где все акты творения персонифицированы близнечными супружескими парами противоположностей. Это отражает идеал мироустройства, основанный на равновесии, балансе. Опасность разрушения мироздания наступает с конфликта и смерти, и коллективные представления облекали в мифологические повествования, выравнивавшие структуру мироздания в мотиве снятия конфликтов, воссоединения божественных противоположных персонификаций, в результате чего возникали

²¹ Там же. С. 238-240.

²² Там же. С. 163.

²³ Там же. С. 164.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 334.

²⁶ Там же. С. 377.

примирияющие, разрешающие символы. Священное Око и есть такой преобразующий, связующий, многозначный символ, выступающий в разных мифологемах в различных образах, присущих самому солнцу: огня, всепожирающего пламени, льва, змеи. Вместе с тем в мифах о Священном Оке примирению его с солнечным богом Ра и Атума предшествует конфликт, и функции восстановления космического баланса, как всегда, исполняет бог Тот, как и в осирических мифах. Здесь он также восстанавливает целостность — символ Око Хора, примиряющий противоположности — Хора и Сета, Осириса и Хора.

Иные аспекты раскрывает образ Ока Ра и Атума. Его феминная природа по отношению к маскулинному образу солярного божества дает направление поисков в историко-психологическом аспекте в области инцестуозных представлений. Тот факт, что оно символизировано образами дочери и матери, позволяет обратиться к этому мотиву, что раскрывает в образе солярного бога и отца, и сына, о чем свидетельствуют источники, в том числе и вышеприведенные. Идея сыновства спроецирована и на фараона, который считался теленком своей матери — богини в облике коровы или антропоморфного образа с рогами коровы (Исиды, Хатхор). С другой стороны, богини, выступающие о роли дочери солярного бога, его Ока, отличаются свободой действия, — они могут покинуть своего отца, несмотря на их защитные функции, нанести ему ущерб, как это проделала Исида, подбросившая на его пути укусившую Ра змею, чтобы выведать его истинное имя и завладеть его маной, развеселить бога-отца, представ перед ним обнаженными. Подобные отношения бога с матерью и дочерью расценивались как добрый знак²⁷. Феминный образ Священного Ока указывает на символические инцестуозные отношения солярного бога с дочерьми и матерью Исидой солярного бога-спасителя Хора²⁸. Как психологическая самость она охватывает мужское и женское и ощущается как брачный союз противоположных половин, но сексуальная оценка взаимоотношений двуединого солнечного божества вовсе не исключает духовных и “мистических” аспектов. Как психические факты, эти аспекты существуют и существовали с незапамятных

времен²⁹. Инцестуозный мотив отражают творческое начало, манифестирующий о духовном аспекте воссоединения маскулинного и феминного либидозных солярных образов в единую целостность.

Рассмотренный и проанализированный материал об Оке солярного божества представляет интерес как предмет глубинной психологии К.Г. Юнга. Мифопоэтическая и религиозная литература древнего Египта о солярном божестве раскрывает в нем самый мощный образ бога-творца, архетип Самости. «В контексте архетипических символов Самость как жизненная энергия, целостность, образ бога, включает в себя как женское, так и мужское начало»³⁰. Что касается его феминной части, то речь идет об архетипе Анимы, присущей мужчине. «Психологически Самость представляет собой единство сознания (мужское начало) и бессознательного (женское начало). В такой формулировке, — отмечал К.Г. Юнг, — она означает психическую целостность»³¹. О бисексуальности символа целостности писала и Мария-Луиза фон Франц: Великий человек — есть центральный символ Самости; «его образ присутствует в сознании человека как своего рода цель или выражение сокровенной тайны нашей жизни. Обозначая идеал целостности и завершенности, этот символ часто представляется как бисексуальное существо»³². В эту формулировку вписываются древнеегипетские представления о гендерном двуединстве Бога-солнца как маскулинного (Самости) и Священного Ока как феминного образа (Анимы) в их единстве, целостности.

Как писал К.Г. Юнг, «одна из многочисленных фигур Анимы, принадлежавших мужским божествам, которые все без исключения представляют диссоциацию в маскулинной психике — “отщепление” со стремлением вести свое собственное обсессивное существование. Эта тенденция к автономии заставляет аниму предвосхищать мысли и решения маскулинного сознания с тем результатом, что последнее находится в постоянной конфронтации к непредвиденным ситуациям, которые оно никак не могло спровоцировать»³³. Такой ситуацией для каждого героя, каким и являлось солнечное древнеегипетское божество, не осознает своей собственной интригующей женственности. Эти идеи К.Г. Юнга помогают раскрутить клубок в достаточно

²⁷ Ссылки на источники см.: Меекс Д., Фавар-Меекс К. Повседневная жизнь египетских богов. М., 2008. С. 104.

²⁸ Эта тематика в отношении Хора и Исиды поднималась в статье: Шеркова Т.А. Божественный младенец и Великая Мать в древнеегипетской мифологии: мифологический и психологический инцест // Психология и психотехника. 2010. № 11 (26). С. 39-49.

²⁹ Юнг К.Г. Эон. М., 2009. С. 260-261.

³⁰ Там же. С. 89.

³¹ Там же. С. 308.

³² Франц М.-Л. фон. Процесс индивидуации // Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1998. С. 200.

³³ Юнг К.Г. Символы трансформации. М., 2009. С. 574-575.

сложных мифологических ситуациях, связанных с взаимоотношениями солнечного бога-демиурга и его Священного Ока.

Изображая солнечное божество в антропоморфном облике с головой Сокола, древние египтяне увенчива-

ли его голову солнечным диском в венце, окруженном змеями, с Уреем на челе, — одним из важнейших символических образов Священного Ока. Помещенный на священном венце бога-творца, этот образ более всего отражал защитную функцию Священного Ока.

Список литературы:

1. Антес Р. Мифология в Древнем Египте // Мифологии древнего мира. М., 1977.
2. Ассман Я. Египет: теология и благочестие ранней цивилизации. М., 1999.
3. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. М., 1994.
4. Матъе М.Э. Мифы Древнего Египта. Л., 1940.
5. Меекс Д., Фавар-Меекс К. Повседневная жизнь египетских богов. М., 2008.
6. Тяжба Гора и Сета // Сказки и повести Древнего Египта / Перевод и комментарии И.Г. Лившица. Ленинград, 1979.
7. Шеркова Т.А. Божественный младенец и Великая Мать в древнеегипетской мифологии: мифологический и психологический инцест // Психология и психотехника. 2010. № 11 (26). С. 39-49.
8. Шеркова Т.А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к Раннему царству. М., 2004.
9. Франц М.-Л. фон. Процесс индивидуации // Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1998.
10. Юнг К.Г. Об энергетике души. М., 2008.
11. Юнг К.Г. Психологические типы Минск, 2003.
12. Юнг К.Г. Символы трансформации. М., 2009.
13. Юнг К.Г. Эон. М., 2009.
14. Book of the Dead. Transl. by R.O. Faulkner. L., 1993.
15. Faulkner R.O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 2002.

References (transliteration):

1. Antes R. Mifologiya v Drevnem Egipte // Mifologii drevnego mira. M., 1977.
2. Assman Ya. Egipt: teologiya i blagochestie ranney tsivilizatsii. M., 1999.
3. Afanas'ev A. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. T. I. M., 1994.
4. Mat'e M.E. Mify Drevnego Egipta. L., 1940.
5. Meeks D., Favar-Meeks K. Povsednevnyaya zhizn' egipetskikh bogov. M., 2008.
6. Tyazhba Gora i Seta // Skazki i povesti Drevnego Egipta / Perevod i kommentarii I.G. Livshitsa. Leningrad, 1979.
7. Sherkova T.A. Bozhestvennyy mladenets i Velikaya Mat' v drevneegipetskoy mifologii: mifologicheskii i psikhologicheskii intsest // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 11 (26). S. 39-49.
8. Sherkova T.A. Rozhdenie Oka Khora: Egipt na puti k Rannemu tsarstvu. M., 2004.
9. Frants M.-L. fon. Protsess individuatsii // Yung K.G. Chelovek i ego simvol'y. M., 1998.
10. Yung K.G. Ob energetike dushi. M., 2008.
11. Yung K.G. Psikhologicheskie tipy Minsk, 2003.
12. Yung K.G. Simvol'y transformatsii. M., 2009.
13. Yung K.G. Eon. M., 2009.
14. Book of the Dead. Transl. by R.O. Faulkner. L., 1993.
15. Faulkner R.O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 2002.